
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

«САМЫЙ НЕПРОЧИТАННЫЙ ПОЭТ»

Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве

В записных книжках Анны Ахматовой, которые хранятся в ЦГАЛИ СССР и готовятся ныне к публикации в Ахматовском томе «Литературного наследства», содержится немало записей, касающихся творчества Николая Гумилева и истории их личных взаимоотношений.

Непосредственным толчком к записи своих воспоминаний и размышлений о творческом пути трагически погибшего поэта, мужа, отца ее единственного сына послужило для Ахматовой издание в 1962 году в США первого тома собрания сочинений Н. С. Гумилева под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова.

Осенью 1962 года Ахматова набрасывает планы своих записок о Гумилеве которые сразу же (как это часто бывало в ее работе над автобиографическими и мемуарными произведениями) перерастают сначала в отрывочные наброски, а затем в более развернутые заметки или очерки. К сожалению, эти заметки остались незавершенными. Все они носят первоначальный, черновой характер. Этим объясняются и отдельные повторения в их тексте. Вместе с тем, как нетрудно убедиться, в публикуемых заметках содержится четкая, выношенная и совершенно оригинальная ахматовская концепция творчества Николая Гумилева, во многом решительно расходящаяся с концепцией его зарубежных издателей. Историко-культурное значение этих записок, в которых Анна Ахматова выступает и как главная героиня ранней лирики Гумилева, и как непосредственная участница литературного процесса 10-х годов, и, наконец, как его проницательная и высококомпетентная исследовательница, думается, невозможно переоценить.

В тексте своих записок Ахматова цитирует произведения Гумилева по памяти и иногда не совсем точно. Впрочем, в ряде случаев она, может быть, приводит не дошедшие до нас ранние варианты гумилевских произведений.

Настоящая публикация носит выборочный и предварительный характер. Примечания по условиям издания сведены к минимуму. Развернутый научный комментарий будет дан при полном издании записных книжек Анны Ахматовой в упомянутом томе «Литературного наследства».

6 ноября 1962. Москва.

I. Два акростиха 1911¹. То же в сне Адама про Еву. Она — двоится. Но всегда чужая. Это в общем плане, но уже приложено к А<хматовой>. Вечная борьба. Сравни с «Жемч<угами>» (Цитаты).

II. Посвящ<ение> «Русалки». Автограф².

III. На даче Шмидта сжег рукопись пьесы «Шут короля Батинволя» за то, что я не захотела его слушать³.

IV. Тема — Гумилев и царскоселы (Вс. Рождественский, Оцуп и т. д.).

V. Поздние воспоминания («Эзбеки» и «Память»).

VI. Мое первое письмо в Париж.

Что это — снова угроза
Или мольба о пощаде?

VII. Глухонемые не демоны, а литературоведы⁴, совершенно не понимают, что они читают, и видят Парнас и Леконт де Лиля там, где поэт истекает кровью (Вяч. Иванов и Брюсов). Я согласна, что в «Дворце великанов» трудно угадать Царск<осельскую> башню, с кот<орой> мы (я и Коля) смотрели, как брыкался рыжий кирасирский конь, а седок умело его умирал, что в нениюфах «Озер» не сразу рассмотришь желтые кувшинки в пруду между Ц<арским> С<елом> и Павловском, что только говоря об Анненск<ом>, Г<умилев>, уже поэт-акмеист, осмелился произнести имя своего города, кот<орый> казался ему слишком прозаичным и будничным для стихов (см. «Путь конкв<истадоров>» и «Ром<антические> цветы»), но ощущение, но трагедия любви — очевидна во всех юных стихах Г<умиле>ва. Героиня так же зашифрована, как и пейзаж — иначе и быть не могло. Ее первый портрет:

У той жены всегда печальной
Глаза являют полутьму...⁵

И дальше:

И в солнца ткань облачена,
Она великая святыня...

И она же девичий труп в песне певца, она же та, кто отказалась идти за чародеем, и «Невеста дьявола», и та, кому отдан волшебный перстень с рубином — «за неверный оттенок разбросанных кос». Это ее он обещает взять на вершины и показать ей величье мира («Ты, для кого собирал я на Леванте...»). И страшен <разбросанный> сумрак волос (Анна Комнена). Она же Русалка «Пути конк<вистадоров>» («У русалки чарующий взгляд / У русалки печальные очи...» Ср. Анна Комнена: «Но очи унылы / Как сумрак могилы...»).

В 10-м году привез в подарок «Бал<ладу>»:

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты нежа и карая...

(Ср. с стих<отворением> «Она» — «учиться светлой боли...».)

Следующий период — страшные стихи в «Чужом небе»: «И тая в глазах...» — (прислал с дороги в Аффрику)...

Дальше «Канатная плясунья», «Маргарита», «Отравительница». Он сначала только лечил душу путешествиями и стал настоящим путешественником (13-й г<од>. Всё (и хорошее, и дурное) вышло из этого чувства — и путешествия и дон-жуанство. В 1916 г., когда я жалела, что все так странно сложилось, он сказал. «Нет, ты научила меня верить в Бога и любить Россию».

* * *

Гумилев

1) Автограф «Русалки» (1904).

2) Отчего не сказано, что парижск<ие> «Ром<антические> цветы» посвящены мне (цитата из письма Брюсову). Это же посвящ<ение> повторено в «Жемчугах» (1910 г.).

3) Зачем жалеть об отсутствии мемуаров врагов (Волошин, Кузмин), а не друзей (Лозинский, Зенкевич...).

4) Как можно придавать значение и вообще подпускать к священной тени мещанку и кретинку А. А. <Гумилеву> ⁶, кот<орая> к тому же ничего не помнит не только про Н. Гумилева, но и про собственного мужа. Единственным близким человеком в доме для Н<иколая> С<тепановича> была мать. Об отце он вообще никогда не говорил, над Митей открыто смеялся и так же открыто презирал <...>.

5) О радостях земной любви (посвящение мне)⁷.

6) Отчего выпали все приезды Н<иколая> С<тепановича> ко мне (Киев, Севастополь, дача Шмидта, Люстдорф) из Парижа и Петербурга.

7) Отчего выпали: Таня Адамович (1914? — 1916), Лариса Рейснер (1916 — 1917), Арбенина (1920) и др.

Но этому не приходится удивляться, если этой бойкой шайке удалось изъять из биографии Н<иколая> С<тепановича> даже меня. В данном случае мне жаль Гумилева как поэта. Все начало его творчества оказывается парижской выдумкой («поражает безличностью» и т. д. И это всерьез цитирует якобы настоящий биограф в 1962 г.), а это стихи живые и страшные, это из них вырос большой и великолепный поэт. Его страшная сжигающая любовь тех лет выдается за леконт-де-лилевщину (см. отзывы о Г<умилеве> Брюсова и Иванова), и биограф через полвека выдает это как факт непререкаемый. Неужели вся история литературы строится таким манером?

5)* В никаких цирковых программах я не участвовала (1911 — 1912; летом 1913 г. Г<умилев> был в Африке), верхом не ездила (в 1912 донашивала ребенка), а когда все в Подобине или в Дубровке валялись на сеновале, м<ожет> б<ыть> раза два я демонстрировала свою гибкость. У Веры Ал<ексеевны Неведомской> был, по-видимому, довольно далеко зашедший флирт с Н<иколаем> С<тепановичем>, помнится, я нашла не поддающееся двойному толкованию ее письмо к Коле, но это уже тогда было так не интересно, что об этом просто не стоит вспоминать.

6) Ездить верхом не умел. Конечно, в 1911 — 12 гг. ездить верхом не умел, но в маршевом эскадроне Улан<ского> полка осенью 1914 г. (деревня Наволоки около Новгорода) он, по-видимому, все же несколько научился это делать, так как почти всю мировую войну провел в седле, а по ночам во сне кричал: «По коням!» Очевидно, ему снились ночные тревоги, и второй Георгий получил за нечто, совершенное на коне <...>.

Почему нигде и никогда я не прочла, что развод попросила я, когда Н<иколай> С<тепанович> приехал из-за границы в 1918 <г.>, и я уже дала слово В. К. Ш<илейко> быть с ним (Об этом я рассказывала М. А. З<енкевичу> на Серг<иевской ул.>, 7. См. в его романе 1921 г.)

Почему этим якобы грамотеям не приходит в голову отметить тот довольно, по-моему, примечат<ельный> факт, что на моих стихах нет никакого влияния Г<умиле>ва, несмотря на то, что мы были так связаны, а весь акмеизм рос от его наблюдения над моими стихами тех лет, так же как над стихами Мандельштама. Георгий Иванов даже позволяет себе выдумывать прямую речь Гумилева («Петер<бургские> зимы») по этому поводу.

Что Н<иколай> С<тепанович> не любил мои ранние стихи — это правда. Да и за что их можно было любить! — Но, когда 25 марта 1911 г. он вернулся из Аддис-Абебы и я прочла ему то, что впоследствии стало называться «Вечер», он сразу сказал: «Ты — поэт, надо делать книгу». И если бы он хоть чуть-чуть в этом сомневался, неужели бы он пустил меня в акмеизм? Надо попросту ничего не понимать в Гумилеве, чтобы на минуту допустить это. Оно, впрочем, так и есть. Примерно половина этой достойной шайки (Струве...) честно не представляет себе, чем был Г<умиле>в; другие, вроде Веры Невед<омской>, говоря о Гумилеве, принимают какой-то идиотский покровительственный тон; третьи сознательно и ловко передергивают (Г. Ив<ано>в) <...>. А все вместе это, вероятно, называется славой. И не так ли было и с Пушкиным, и с Лермонтовым. Гумилев — поэт еще не прочитанный. Визионер и пророк. Он предсказал свою смерть с подробностями вплоть до осенней травы. Это он сказал: «На тяжелых и гулких машинах...»⁸ — и еще страшнее («Орел»), «Для старцев все *запретные труды...*» и, наконец, главное: «Земля, к чему шутить со мною...»

* * *

Царское Село в стихах Н<иколая> С<тепановича> как будто отсутствует. Он один раз дает его как фон к стихотворению «Анненский» («Последний из царскосельских лебедей»). Сам царскосельским лебедем быть не хочет).

Однако это не совсем так. Уже в поэмах «Пути конквистадоров» мелькают еще очень неуверенной рукой набросанные очертания царскосельских пейзажей и парковая архитектура (павильоны в виде античных храмов). Но все это не на-

* Ошибка в нумерации авторская.

звано и как бы увидено автором во сне: не легче узнать во «дворце великанов» — просто башню-руину у Орловских ворот. Оттуда мы действительно как-то раз смотрели, как конь золотистый (кирасирский) «вставал на дыбы».

Еще царскосельское впечатление (как мне сказал Гумилев):

Был вечер тих. Земля молчала,
Едва вздыхали цветники,
Да от зеленого канала,
Взлетая, реяли жуки.

А это где-то около Большого Каприза и на пустыню Гоби мало похоже.

Третье — в стихотворении «Озера». «Печальная девушка» — это я. Написано во время одной из наших длительных ссор. Н<иколай> С<тепанович> потом показывал мне это место. Ненюфары, конечно, желтые кувшинки, а ивы действительно были. Ц<арское> С<ело> было для Н<иколая> С<тепановича> такой унылой низменной прозой.

Две мои фотографии в царскосельск<ом> парке (зимняя и летняя) в 20-х годах сняты на той скамейке, где Н<иколай> С<тепанович> впервые сказал мне, что любит меня (февраль...).

* * *

Маргарита

Мне в юности приснился странный сон, будто кто-то (правда, не помню кто) мне говорит: «Фауста вовсе не было — это всё придумала Маргарита... А был только Мефистофель...» Не знаю, зачем снятся такие страшные сны, но я рассказала мой сон Н<иколаю> С<тепановичу>. Он сделал из него стихи. Ему была нужна тема гибели по вине женщины — здесь сестры.

* * *

Сейчас, как читатель видит, я не касаюсь тех особенных, исключительных отношений, той непонятной связи, ничего общего не имеющей ни с влюбленностью, ни с брачными отношениями, где я называюсь «Тот другой» («И как преступен он, суровый...»), который «положит посох, улыбнется и просто скажет: „Мы пришли“». Для обсуждения этого рода отношений действительно еще не настало время. Но чувство именно этого порядка заставило меня в течение нескольких лет (1925 — 1930) заниматься собиранием и обработкой материалов по наследию Г<умиле>ва. Этого не делали ни друзья (Лозинский), ни вдова, ни сын, когда вырос, ни так называемые ученики (Георгий Иванов). Три раза в одни сутки я видела Н<иколая> С<тепановича> во сне, и он просил меня об этом (1924. Казанская, 2).

* * *

9 мая <1963 г.>. День Победы.

Я совершила по этой поэзии долгий и страшный путь и со светильником и в полной темноте, с уверенностью лунатика шагая по самому краю. Сама я об этом не писала ни тогда, ни потом (кроме двух стихотворений — одно даже напечатано)*, но описанию домашних ночных страхов царск<осельского> дома посвящена одна из семи «Ленинградских элегий» — 1921 г. («В том доме было очень страшно жить...»).

Я знаю главные темы Гумилева И главное — его тайнопись.

В последнем издании Струве отдал его на растерзание двум людям, из которых один его не понимал (Брюсов), а другой (Вяч. Иванов) — ненавидел. Мне говорят, что его (Гл. Струве) надо простить, потому что он ничего не знает. Я тоже многого не знаю, но в таких случаях избегаю издавать непонятный мне материал <...>.

* «И когда друг друга проклинали...» и «Пришли и сказали: «Умер твой брат»...».
(Прим. А. Ахматовой)

* * *

5 авг<уста 1963 г.>.

Самый непрочитанный поэт (продолжение)

Невнимание критиков (и читателей) безгранично. Что они вычитывают из молодого Гумилева, кроме озера Чад, жирафа, капитанов и прочей маскарадной рухляди? Ни одна его тема не прослежена, не угадана, не названа. Чем он жил, к чему шел? Как случилось, что из всего вышеназванного образовался большой замечательный поэт, творец «Памяти», «Шестого чувства», «Трамвая» и т<ому> п<одобных> стихотворений. Фразы вроде «Я люблю только „Огненный столп“», отнесение стих<отворения> «Рабочий» к годам Революции и т. д. ввергают меня в полное уныние, а их слышишь каждый день.

<Июль 1965 г.>

<...> И не только от несчастной любви (как мы видели выше), но и от литературных неудач и огорчений Гумилев лечился путешествиями. К сожалению, даже такие явные вещи недоступны для наших исследователей. А все-таки, когда пишешь о стихах, следует заниматься и столь элементарным их подтекстом, а не только тупо повторять, что Г<умилев> — ученик Брюсова и подражатель Леконт де Лиля и Эредиа.

Дело в том, что и поэзия, и любовь были для Гумилева всегда трагедией. Оттого и «Волшебная скрипка» перерастает в «Гондлу». Оттого и бесчисленное количество любовных стихов кончается гибелью (почти все «Ром<антические> цветы»), а война была для него эпосом, Гомером. И когда он шел в тюрьму, то взял с собой «Илиаду».

А путешествия были вообще превыше всего и лекарством от всех недугов («Эзбеки», цитата). И все же и в них он как будто теряет веру (временно, конечно). Сколько раз он говорил мне о той «золотой двери», которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913 <году>, признался, что «золотой двери» нет. Это было страшным ударом для него (см. «Пятист<опные> ямбы»).

<...>Разумеется, из этих двух страниц, которые я написала сегодня, можно сделать не очень тонкую книжку, но это я предоставляю другим, напр<имер>, авторам диссертаций о Гумилеве, кот<орые> до сих пор пробавляются разговорами об ученичестве у Брюсова и подража<нии> Леконт де Лилю и Эредиа. И где это они видели, чтобы поэт с таким плачевным прошлым стал автором «Памяти», «Шестого чувства» и «Заблудившегося трамвая», тончайшим ценителем стихов («Письма о русской поэзии») и неизменным best-seller'ом, т<о> е<сть> его книги стоят дороже всех остальных книг, их труднее всего достать. И дело вовсе не в том, что он запрещен — мало ли кто запрещен.

По моему глубокому убеждению, Г<умилев> поэт еще не прочитанный и по какому-то странному недоразум<ению> оставшийся автором «Капитанов» (1909 г.), которых он сам, к слову сказать, — ненавидел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеются в виду акrostихи Гумилева, посвященные Анне Ахматовой: «Аддис-Абеба, город роз...» и «Ангел лег у края небосвода...».

² Автограф стихотворения Гумилева «Русалка» (1904) с посвящением Анне Андреевне Горенко сохранился в собрании Ю. Г. Оксмана в ЦГАЛИ.

³ Гумилев навещал А. Горенко на даче Шмидта под Севастополем летом 1907 года.

⁴ Иронически обыгрывается название сборника стихотворений М. А. Волошина «Демоны глухонемые».

⁵ Здесь и далее Ахматова цитирует стихи из ранних сборников Гумилева «Путь конквистадоров» (1905) и «Романтические цветы» (1908).

⁶ А. А. Гумилева (урожд. Фрейганг), жена старшего брата Н. С. Гумилева — Дмитрия.

⁷ «Радости земной любви» — цикл новелл Гумилева, опубликованный в 1908 году.

⁸ Здесь и далее цитируются стихи из сборников Гумилева «Костер» (1918) и «Огненный столп» (1921).